

ДНЕВНИКЪ

СОЦІАЛЬДЕМОКРАТА.

Г. В. ПЛЕХАНОВА.

ВЫХОДИТЬ НЕПЕРІОДИЧЕСКИ.

№ 7

августъ 1906 г.

№ 7

Содержаніе: I. Видѣніе г. Кузьмина-Караваева. — II. По поводу одного письма. — III. Надо ли отказываться? — IV. Краткіе отвѣты.

Видѣніе г. В. Кузьмина-Караваева.

Въ № 117 „Двадцатаго Вѣка“ г. В. Кузьминъ-Караваевъ характеризуетъ политическое положеніе, созданное у насъ разгономъ Думы.

Онъ говоритъ:

„Пока — лозунгъ активныхъ революціонныхъ дѣйствій и забастовокъ — протестъ противъ роспуска Думы. Но рядомъ съ нимъ начинаетъ слышаться и другой: учредительное собраніе. Превозможетъ ли поколебленная идея конституціонной монархіи заманчивую мысль о полномъ властномъ учредительномъ собраніи, котораго нельзя ни распустить, ни разогнать?“

Нашъ почтенный авторъ „вѣритъ“ и „надѣется“, что „превозможетъ“. Почему „вѣритъ“ и почему „надѣется“, это остается неразъясненнымъ. Но, прочитавъ его статью, приходится признать, что вѣра и надежда, — принадлежащая какъ извѣстно, къ числу самыхъ главныхъ христіанскихъ добродѣтелей, — совершенно необходимы г. В. Кузьмину-Караваеву для спокойствія духа. Если бы у него не было вѣры въ то, что идея конституціонной монархіи „превозможетъ“ идею учредительнаго собранія, то его нравствен-

ное состояніе стало бы просто невыносимымъ, такъ какъ созывъ учредительнаго собранія связывается въ его представленіи съ настоящими ужасами. Вотъ посмотрите:

„..... Полновластіе коллективной мысли, при безконечной розни политическихъ и социальныхъ теченій, приведетъ въ водоворотъ страстей, усобицы, взаимной ненависти и рѣзни...“

„Но и лозунгъ: „учредительное собраніе“ имѣетъ ступень дальнѣйшую — можетъ раздасться всепокрывающее безформенное: „мы сами возьмемъ“... Тогда обнажатся во всей наготѣ дикіе, животные инстинкты человѣка-звѣря, алчнаго, кровожаднаго, мстительнаго... Тогда пойдетъ деревня на городъ, городъ на деревню... Тогда страна узнаетъ тотъ абсолютизмъ самоопредѣляющей силы, какому нѣтъ равнаго...“

„Вотъ что виднѣется въ туманной дали, въ связи съ роспускомъ Думы. А говорятъ: „Думу нельзя было не распустить — въ ней раздавались грубыя слова по адресу министровъ“. Или: „она не считалась со всѣми опредѣленіями основныхъ законовъ“. Или: „она намѣревалась провести принудительное отчужденіе земель“. Объ этомъ ли теперь думать?“...

Говоря по правдѣ, это нѣсколько нескладно: То, что въ видѣніи г. Кузьмина-Караваева выступаетъ, какъ результатъ „полновластія коллективной мысли“, тождественно съ тѣмъ, что является въ немъ „дальнѣйшей ступенью лозунга: учредительное собраніе.“ И я не понимаю, почему эти двѣ „ступени“ видѣнія отмежеваны одна отъ другой раздѣлительнымъ „но и“. Однако, не въ томъ дѣло. Хотя это и нескладно, но ужасно: Тутъ „виднѣется“ и водоворотъ страстей, и усобицы, и рѣзня, и взаимная ненависть, и дикіе инстинкты кровожаднаго человѣка-звѣря. Словомъ, видѣніе г. Кузьмина-Караваева гораздо страшнѣе самыхъ страшныхъ апокалиптическихъ видѣній. Но отчего же всѣ эти ужасы „виднѣются“ нашему автору? Единственно оттого, что онъ опасается, какъ бы не раздалось: „мы сами возьмемъ“. Это „мы сами возьмемъ“ играетъ въ его представленіи роль ящика Пандоры, изъ котораго на насъ посыплются всякія бѣды. Отсюда слѣдуетъ, что спасеніе наше состоитъ, по мнѣнію г. Кузьмина-Караваева, въ томъ, чтобы мы не брали сами, а... дожидались, пока намъ дадутъ то, что намъ нужно. Это очень поучительный выводъ.

Весь вопросъ въ томъ, какъ долго намъ нужно будетъ ждать? Я боюсь, что очень долго...

Г. В. Кузьминъ-Караваевъ не хочетъ кровопролитія, не хочетъ „рѣзни“. И это, разумѣется, понятно. Но почему

онъ думаетъ, что созывъ учредительнаго собранія послужилъ бы сигналомъ для начала рѣзни? Это уже совсѣмъ непонятно. Рѣзня, къ сожалѣнію, уже начата и начата вовсе не тѣми, которые стремятся къ созыву учредительнаго собранія. Г. Кузьминъ-Караваевъ знаетъ это не хуже меня. А если онъ знаетъ, что рѣзня уже началась, и если онъ серьезно хочетъ ея прекращенія, то ему необходимо разобраться въ вопросѣ о томъ, какимъ образомъ остановить тѣхъ людей, которые ее производятъ. Но именно въ этомъ-то вопросѣ онъ и не разобрался. Онъ очень чувствительно пишетъ: „мы надѣемся, мы вѣримъ, что распушенная Дума останется для народа свѣтлой точкой, что эта точка будетъ освѣщать его путь къ новымъ выборамъ и къ новой Думѣ и охранитъ идею демократической представительной монархіи“. Въ переводѣ на прозаическій языкъ политики это значитъ, что г. Кузьминъ-Караваевъ надѣется на то, что народъ не дойдетъ до мысли объ учредительномъ собраніи. Предположимъ, что его не обманетъ его надежда, и что указанная мысль останется недоступной для народа. Этому можно радоваться съ нѣкоторыхъ точекъ зрѣнія; но въ этомъ не можетъ быть ничего отраднаго для человѣка, умѣющаго сводить концы съ концами въ своихъ разсужденіяхъ и искренно желающаго прекращенія „рѣзни“. Та „свѣтлая точка“, которую такъ краснорѣчиво воспѣваетъ г. Кузьминъ-Караваевъ, — т. е. Дума, — освѣтитъ путь къ народному освобожденію только въ томъ случаѣ, если она приведетъ народъ къ убѣжденію въ полномъ безсиліи нынѣшняго нашего „парламента“ и въ необходимости добиться настоящей конституціи. Я „вѣрю“ и „надѣюсь“, что г. Кузьминъ-Караваевъ не будетъ оспаривать эту очевидную истину. Но если народу необходимо добиться настоящей конституціи, то какъ же сдѣлать это? Неужели посредствомъ чувствительныхъ воззваній къ людямъ, существенно заинтересованнымъ въ томъ, чтобы держать нашъ народъ въ политическомъ рабствѣ? Неужели г. Кузьминъ-Караваевъ „вѣритъ“ въ силу такихъ воззваній и „надѣется“ на нее? Если да, то онъ забылъ мораль басни *Котъ и Поваръ*:

А я бы повару иному

Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить,

Тамъ словъ не тратить по пустому,

Гдѣ нужно власть употребить...

Вѣдь эта мораль вполне примѣнима къ нынѣшнимъ нашимъ политическимъ отношеніямъ: слова такъ же мало дѣйствуютъ на наше правительство, какъ дѣйствовали они на крыловскаго кота, который, какъ извѣстно, слушалъ, да ѣлъ. Нашимъ врагамъ деспотизма тоже необходимо „власть

употребить“. А „употребить власть“ именно и значить въ данномъ случаѣ прибѣгнуть къ тѣмъ дѣйствіямъ, которыя въ статьѣ г. Кузьмина-Караева характеризуются словами: „мы сами возьмемъ“. Но эти дѣйствія уже заранѣе повергають г. Кузьмина-Караева въ невыносимый трепеть. Именно эти дѣйствія „обнажаютъ“, по его мнѣнію, „дикіе, животные инстинкты челоуѣка-звѣря, алчнаго, кровожаднаго, мстительнаго“. Значить, онъ не можетъ сочувствовать такимъ дѣйствіямъ и не можетъ возлагать на нихъ свои упованія. А если — нѣтъ, то какъ же думаетъ онъ придти къ своей политической цѣли? Какъ думаетъ онъ осуществить свою „идею демократической представительной монархіи“? На этотъ неизбѣжный вопросъ онъ не даетъ отвѣта и не можетъ дать его. И въ этой невозможности отвѣтить на этотъ неизбѣжный вопросъ заключается весь смыслъ его статьи: эта статья обнаруживаетъ полнѣйшую несостоятельность точки зрѣнія тѣхъ людей, — въ отличіе отъ страшнаго и отвратительнаго „челоуѣка-звѣря“ назовемъ ихъ хоть *людьми-ангелами*, — которые, съ одной стороны, желаютъ, чтобы народъ освободился, а съ другой — не хотятъ, чтобы онъ самъ взялъ свою свободу. Эти люди-ангелы стремятся сѣсть между двухъ стульевъ; но это — опасное упражненіе, и они рискуютъ болно ушибиться.

Исторія ясно говоритъ, что прочна только та свобода, которая была взята народами. Но г. Кузьминъ-Караевъ боится такой свободы. Нечего сказать, хорошо его свободолюбіе!

И не наивно-ли, съ его стороны, обнаруживать столь изумительное свободолюбіе послѣ разгона Думы, т. е. въ виду новыхъ выборовъ? Или онъ думаетъ, что избиратели будутъ не въ состояніи оцѣнить такое свободолюбіе по его истинному достоинству?

Въ другой своей статьѣ („Расправа“, № 119 той же газеты) г. Кузьминъ-Караевъ высказываетъ по поводу программы г. Столыпина слѣдующія справедливыя соображенія:

„На всѣ семь мѣсяцевъ—до 20 февраля—объявлено торжество законовъ и законности. Какіхъ только законовъ и какой законности?“

„Законы наши двухъ родовъ. Одни опредѣляютъ правоотношеніе и въ конечномъ результатѣ примѣняются судомъ. Другіе—узаконяють произволь. И право земскихъ начальниковъ сажать въ холодную или штрафовать, безъ преступленія и безъ суда, основано на законѣ. И право министра внутреннихъ дѣлъ ссылатъ, тоже безъ преступленія и безъ суда, въ Нарымскій или Туруханскій край. А при усиленномъ уже либераль-

номъ толкованіи—и право генераль-губернаторовъ сѣчь или сжигать постройки. Одинъ генераль-губернаторъ даже общиналь вѣшать безъ преступленія—за неплатежъ податей...“

Что вѣрно, то вѣрно! Но нашъ авторъ позабылъ сказать намъ, къ какой изъ этихъ двухъ категорій принадлежатъ законы, опредѣляющіе права россійскаго „парламента“. Не къ той ли, которая „узаконяетъ произволь“ и потому ни коимъ образомъ не можетъ ужиться со свободой? Можетъ быть, онъ „вѣрять“, и „надѣется“, что „произволь“ добровольно уйдетъ изъ этой области нашего законодательства?

Нѣтъ, г. Кузьминъ-Караевъ!

Нынѣшнее положеніе нашей страны чрезвычайно тяжело во многихъ отношеніяхъ. Но оно хорошо въ одномъ: оно учитъ нашъ народъ пониманію той великой и неоспоримой политической истины, что его *политическое освобожденіе должно и можетъ быть только его собственнымъ дѣломъ*. А что народу хорошо усваиваетъ эту великую и неоспоримую истину; что его вѣра въ добрыя намѣренія „произвола“ быстро падаетъ; что его надежда на отеческое попеченіе сверху быстро разрушается, объ этомъ вамъ разкажетъ много интереснаго хотя бы весьма и весьма умѣренный кн. Е. Трубецкой, такими яркими красками изобразившій ростъ народнаго сознанія въ статьѣ, направленной противъ министера г. Столыпина и напечатанной въ „Московскомъ Ежедневникѣ“.

Дорогая вамъ политическая идея врядъ ли „превозможетъ“. Вамъ и вашимъ единомышленникамъ остается лишь позаботиться о томъ, чтобы не остаться „за флагомъ“. Все складывается такъ, что приходится „лѣзть“ даже и людямъ-ангеламъ...

По поводу одного письма.

Передо мной лежит письмо одного русского офицера о современном положеніи дѣлъ въ нашей странѣ и о задачахъ революціонной пропаганды въ войскѣ.

Я привожу здѣсь большую часть этого письма, пользуясь любезнымъ разрѣшеніемъ товарища, доставившаго мнѣ его. Читатель самъ увидитъ, какую большую важность для дѣла свободы имѣетъ практической вопросъ, затронутый въ этомъ письмѣ.

„Сначала вкратцѣ выскажу свои взгляды на то, что должно быть по моему.

„Вся Россія раздѣлилась на два лагеря: на друзей освобожденія и на враговъ реформъ.

„Долго бюрократія изумленно и растерянно смотрѣла на неслыханное до сей поры у насъ движеніе и пребывала въ роли созерцательницы.

„Самодержавіе русское, оставаясь таковымъ только номинально, ибо уже давно оно было ограничено кучкой бюрократовъ, наконецъ пошло на уступки народу; но уступки эти реально не выразились ни въ чемъ, а только были данъ рядъ обѣщаній, при проведеніи которыхъ въ жизнь должна была начаться новая эпоха конституціонной Россіи.

„Этотъ рядъ обѣщаній — манифестъ 17 октября: въ немъ безъ всякихъ гарантій обѣщаны права гражданина въ видѣ свободы совѣсти, слова, неприкосновенности личности, собраний и народнаго представительства, какъ законодательнаго учрежденія.

„И вотъ изъ числа этихъ уступокъ еще ни одна пока не реализована, не проведена въ жизнь. Амнистія — первое справедливое требованіе народа — амнистія всѣмъ пострадавшимъ отъ стараго режима — не дана, а это служило бы доказательствомъ искренности правительства. Общество требуетъ для осуществленія идеи народнаго представительства всеобщаго избирательнаго права и прямыхъ выборовъ, — а въ отвѣтъ ему законъ 7 декабря о расширеніи избирательнаго права.

„Но что же собственно объ этомъ писать, когда все это извѣстно, конечно, вамъ, не хуже, чѣмъ мнѣ. А потому я оставляю въ сторонѣ настроеніе народа, въ періодъ до

государственной думы, періодъ временнаго кабинета Витте. Одно можно сказать, что это былъ періодъ сравнительно спокойный, выжидательный.

„Но событія идутъ грознымъ ходомъ. Репрессіи правительства, не считающіяся съ мощной волной охватившаго народъ движенія, только усиливаютъ революціонное движеніе. Сила пушекъ и штыковъ, военное положеніе, усиленная охрана, — все это беспомощно въ борьбѣ съ духомъ народа. Они не останавливаютъ революціи, а только ведутъ ее черезъ кровь и трупы. Мнѣ кажется, бюрократія должна или пойти на особыя уступки или продолжать войну съ Россіей и очутиться въ концѣ концовъ въ одиночествѣ безъ союзниковъ, кромѣ той кучки, которая давно уже объявила войну всѣмъ сознательнымъ элементамъ страны, отстаивая не благо Россіи, а свои теплыя мѣстечки и т. п.

„Послѣдняя опора правительства — войско скоро скажетъ свое слово, и тогда — конецъ всему и смерть старому режиму. Всѣ волненія среди солдатъ, участвовавшія теперь, даютъ ясно понять правительству, что „мы-де уже не хотимъ служить тебѣ, и на нашу силу ты уже не рассчитывай“. Если бы вся армія сразу заявила свое нежеланіе служить бюрократіи, то давно былъ бы поконченъ вопросъ о спасеніи нашей страны. Революціи, идущей снизу, мудрое правительство единственно можетъ отвѣтить революціей сверху. Эту мысль высказалъ еще Александръ I.

„И вотъ въ чемъ ошибка агитаціи въ войскахъ: дѣйствовать на солдата помимо офицера. Для того, чтобы руководить войскомъ, да еще въ условіяхъ исключительныхъ, — нужно и умѣніе, и, главное, знаніе человѣческихъ душъ, разумное направленіе этой грозной силы и, пожалуй, что еще важнѣе, такъ это умѣніе взять въ руки, одухотворить эту толпу, потому что безъ внутренней спайки, это и есть именно толпа въ полномъ значеніи этого слова.

„Безъ предводителей эта вооруженная масса, движимая самыми низменными чувствами, которая, обыкновенно, охватываютъ взволнованныхъ людей, какъ то незамѣтно можетъ обратиться въ озвѣрѣлую банду, которая смететъ на своемъ пути все, не разбирая праваго и виновнаго и, развратившись, станетъ настолько же опасна обществу, насколько ранѣе нужно было ея вмѣшательство.

„А благодаря всеобщей ошибкѣ: отчужденію офицерскаго класса, признанію его бессознательнымъ элементомъ общества, причиною, — войско возмущающееся остается безъ руководителей. А этимъ пользуется правительство и дѣйствуетъ на офицеровъ всѣми высокими фразами о долгѣ, чести, присягѣ и, тѣ, видя себя отчужденными и зачум-

ленными, озлобляются и становятся, дѣйствительно, звѣрями и сторонниками правительства. Быть можетъ, они всей душою рады послужить родному дѣлу, да, вотъ страхъ и сомнѣніе, какъ то ихъ, офицеровъ, примутъ въ рядахъ борцовъ свободы, останавливаетъ ихъ.

„Войскомъ же руководятъ или люди, ничего общаго съ нимъ не имѣющіе, или мальчишки изъ тѣхъ же солдатъ, не научившіеся еще повиноваться, не только повелѣвать и держать въ своихъ рукахъ толпу. Вотъ почему и бываютъ курьезные факты, вродѣ Асхабадскаго, гдѣ почти весь гарнизонъ шестъ дней держался крѣпко и не могъ болѣе, явился къ корпусному командиру, выдалъ зачинщиковъ и молилъ чуть не на колѣняхъ прощенья.

„Конечно, цѣль уже достигнута, этотъ гарнизонъ ясно доказалъ, что въ нужный моментъ правительство уже не можетъ на него рассчитывать, т. к. онъ ненадеженъ.

„Но польза-побѣды — не есть еще побѣда. И ее одинаково рано признавать и обществу, и правительству. Прежній режимъ еще не добитъ, съ другой стороны, революція не остановлена.

„Какъ рѣка не побѣжитъ въ степь, такъ и пробудившееся чувство человѣческихъ правъ не обратится въ молчаніе рабовъ. Рубиконъ перейденъ, *alea jacta est* — и нѣтъ возврата къ прошлому. Правительство же только въ этомъ прошломъ ищетъ своихъ союзниковъ и только тамъ ихъ находитъ. Все новое, вѣрящее въ будущее страны если не противъ него, то во всякомъ случаѣ и не за него.

„Событія перегоняютъ событія, и трудно предсказать, что сегодняшніе умѣренные, раздраженные неумѣренной ревностью поборниковъ стараго режима не двинутся сами впередъ и заднимъ числомъ, понявъ ложность своего положенія, не потребуютъ тѣхъ же правъ къ благу родной страны.

„Стоитъ только посильнѣе кликнуть кличъ, какъ со всѣхъ сторонъ сейчасъ же отзовутся; надо склонить на свою сторону военачальниковъ и, тогда цѣлые полки во главѣ со своими офицерами пойдутъ на бой за счастье и благо Россіи. Зачѣмъ повторять ошибки? Вѣдь каждый солдатъ, — тоже сынъ народа и только молчить или изъ страха, или стыда передъ товарищами, а уничтожить это чувство, клянусь, никто не сможетъ такъ быстро и хорошо, какъ его же начальникъ. Вѣдь, если бы солдатъ сообщался съ народомъ, а то онъ отдѣленъ отъ него стѣной, большою преградой. Надо же дать возможность и заклеивеннымъ офицерамъ принять активное участіе въ борьбѣ за благо. Не надо унижать и озлоблять.

„Я потому много пишу объ этомъ, что я самъ офицеръ и чувствую на себѣ всю тяжесть позорнаго клейма“.

Тутъ кое-что не точно. Такъ, напримѣръ, періодъ министерства Витте нельзя назвать спокойнымъ. Но это незначительныя частности. Важно то, что уважаемый авторъ письма *въ общемъ* изображаетъ современное положеніе дѣлъ не только *вѣрно*, но и *ярко*. Онъ называетъ политику нашей бюрократіи *войной съ Россіей*. Это сказано чрезвычайно удачно. Бюрократія въ самомъ дѣлѣ ведетъ жестокою войну съ нашей родиной, и русскіе граждане могли бы сказать, — какъ говорили нѣкогда въ своихъ челобитныхъ обыватели московскаго государства, — что они страдаютъ отъ бюрократическихъ набѣговъ „*пуце, чѣмъ отъ турокъ и отъ татаръ*“. И въ этой войнѣ съ Россіей бюрократія опирается теперь *главнѣйшимъ образомъ на войско*. Авторъ письма справедливо говоритъ, что „если бы вся армія сразу заявила свое нежеланіе служить бюрократіи, то давно уже былъ бы поконченъ вопросъ о спасеніи нашей страны“. Но отъ *всей* арміи, отъ арміи въ ея цѣломъ подобнаго заявленія ждать, разумѣется, невозможно. Во-первыхъ, въ арміи всегда найдутся элементы, готовые вести войну съ Россіей „не токмо за страхъ, но и за совѣсть“. Авторъ письма, можетъ быть, прочелъ въ газетѣ „Переломъ“ перепечатанный также въ № 120 „Двадцатаго вѣка“ рассказъ о томъ, какъ г. г. офицеры кавалергардскаго полка истязали А. С. Смирнову за сдѣланное ею ироническое замѣчаніе о слишкомъ веселомъ настроеніи проѣзжавшей (28 Іюля с. с.) по Сергіевской улицѣ части этого полка. Арестованная однимъ изъ кавалергардскихъ офицеровъ, г-жа Смирнова была доставлена имъ въ офицерское собраніе на Захарьевской улицѣ, откуда ее, осыпавъ грубыми ругательствами, силой отвели на караульный дворъ, а тамъ, — рассказываетъ братъ пострадавшей, огласившій доблестный офицерскій подвигъ въ газетахъ, — „тамъ, по приказанію князя,* 7 солдатъ плетками нанесли моей сестрѣ 25 ударовъ, искровавивъ ее; куски мяса отпили на спинѣ. Затѣмъ сестру съ ругательствами выгнали**.) Само собою понятно, что истязавшіе г. Смирнову джентльмены кавалергардскаго полка навсегда останутся надежной опорой бюрократіи въ ея войнѣ съ Россіей. Эти *chevaliers sans peur ni reproche* застрахованы отъ всякой политики... кромѣ „черносотенной“. И такіе рыцари безъ страха и упрека существуютъ, къ сожалѣнію, не въ одномъ только кавалергард-

*) Повидимому, полкового командира.

***) Изъ № 25 газеты „Товарищъ“ видно, что „князь“ приказалъ разогнать свои и прибѣжавшимъ солдатамъ предложилъ „использовать ядѣвницу“, но тѣ отказались. Утонченный аристократъ! Благородный воинъ!

скомъ полку, хотя я увѣренъ, что въ „глубокой арміи“, на которую съ такимъ презрѣніемъ смотрятъ гвардейцы, процентъ подобныхъ рыцарей гораздо ниже. Во-вторыхъ, у арміи никогда не будетъ такого органа, который могъ бы явиться выразителемъ ея общаго мнѣнія, даже если бы такое мнѣніе и могло сложиться. Но для избавленія нашей страны отъ тяжкаго и позорнаго ига бюрократіи, для спасенія Россіи, какъ выражается авторъ письма, и нѣтъ надобности дожидаться *единодушнаго* заявленія арміи. Достаточно дѣятельнаго сочувствія свободѣ нѣкоторой, — смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе значительной, — части военнослужащихъ. А что значительная часть военно-служащихъ способна отказать отъ участія въ войнѣ бюрократіи съ Россіей, въ этомъ рѣшительно невозможно сомнѣваться. Если бы было иначе, то на нашу родину пришлось бы махнуть рукою...

По словамъ автора письма, правительство дѣйствуетъ на офицеровъ высокими фразами „о долгѣ, чести, присягѣ и т. д.“ И всякій, знакомый съ нашимъ военнымъ бытомъ, знаетъ, что это вѣрно. Когда въ душѣ офицера зарождается ненависть къ деспотизму, онъ переживаетъ обыкновенно мучительную драму, въ основѣ которой лежитъ убѣжденіе въ томъ, что честь и присяга запрещаютъ ему служеніе свободѣ. Но это убѣжденіе лишено всякаго серьезнаго основанія, и если оно такъ широко распространено въ нашей офицерской средѣ, то это объясняется чуждымъ всякой критики отношеніемъ этой среды къ „высокимъ фразамъ“ правительства о долгѣ и о чести.

Нужно только немного анализировать содержаніе этихъ фразъ, чтобы убѣдиться въ полнѣйшей его несостоятельности.

Долгъ и честь великое дѣло. Человѣкъ, измѣняющій своему долгу и лишенный чувства чести, достоинъ глубочайшаго презрѣнія совершенно независимо отъ того, что онъ носитъ: рабочую блузу, „штатскій“ пиджакъ, или военный мундиръ. Но вопросъ въ томъ, *какъ надо понимать долгъ и честь*. А этотъ вопросъ съ особенной легкостью рѣшается именно въ интересующемъ насъ случаѣ. Скажу больше.

Если авторъ письма правъ, когда говоритъ, что наша бюрократія ведетъ войну съ Россіей, то вопросъ о долгѣ и чести военнослужащихъ *уже рѣшенъ*. Долгъ и честь запрещаютъ имъ участвовать въ этой преступной и позорной войнѣ. Наша бюрократія твердо убѣждена, конечно, въ томъ, что русское войско существуетъ именно для того, чтобы воевать съ Россіей. Но г.г. офицеры не обязаны раздѣлять это ея убѣжденіе. Напротивъ, они обязаны не раздѣлять его. Правда, они клянутся служить правительству. Но они клянутся также служить своей странѣ, своему отечеству. Какъ же

быть, если интересы правительства приходятъ въ противорѣчіе съ интересами отечества? На какую сторону долженъ стать военнослужащій „по долгу чести и присяги“? Ясно, на какую! Исусъ говорилъ: не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка. Подобно этому надо сказать, что не страна существуетъ для правительства, а правительство для страны. И если правительство вступаетъ въ войну со страной, то оно превращается въ преступную организацію, въ разбойничью шайку, *во внутренняго врага*, противъ котораго должны ополчиться всѣ благомыслящіе граждане и прежде всего тѣ, которыхъ страна вооружаетъ на свой счетъ для своей защиты. Россія переживаетъ теперь какъ разъ такой моментъ. И именно потому военнослужащіе нравственно обязаны подвергнуть строгому критическому пересмотру требованія, предъявляемые имъ со стороны правительства во имя чести и присяги. Эта обязанность до сихъ поръ была исполняема, къ сожалѣнію, лишь немногими изъ нихъ. Но событія не ждутъ; кровь льется; разоренная и жестоко угнетенная страна болѣзненно стонетъ, и можно надѣяться, что уже недалеко то время, когда на ея защиту во множествѣ поднимутся тѣ, которые уже по самой своей профессіи обязаны защищать ее.

Я знаю, что во всѣхъ частяхъ войска найдутся господа, способные сочувствовать подвигамъ преторіанцевъ Семеновскаго и Кавалергардскаго полковъ. Потому-то я и говорю, что вся армія въ ея цѣломъ не пойдетъ противъ правительства. Но я знаю также, что во всѣхъ частяхъ арміи найдется много и много честныхъ людей, которые не захотятъ, по выраженію Рылѣва, въ роковое время позорить гражданина санъ. А это только и нужно для побѣды нашей страны надъ воюющимъ съ нею правительствомъ. Дружные, планомѣрные усилія военныхъ организацій, строго согласованныя съ дѣйствіями „вольныхъ“ борцовъ за свободу, очень быстро положатъ конецъ правительственному разбою.

Авторъ письма, какъ видно, хорошо понимаетъ значеніе военныхъ организацій и ту руководящую роль, которую могли бы и должны были бы играть въ нихъ офицеры. Онъ отмѣчаетъ нашу ошибку, состоящую въ дѣйствіи пропагандистовъ на солдатъ помимо офицеровъ, и жалуется на игнорированіе офицерства партіями, борющимися за свободу, на „признаніе его безсознательнымъ элементомъ общества, причинной.“ Меня радуетъ эта жалоба, какъ симптомъ, указывающій на то, что мыслящіе представители нашего офицерства тяготеютъ ролью „опричниковъ“, навязываемой имъ правительствомъ и нетерпѣливо стремятся къ сближенію со сторонниками новаго политическаго порядка. Но я не думаю, чтобы эта жалоба была основательна. Можетъ быть, въ прежнее вре-

мя враги деспотизма и не отдавали себѣ яснаго отчета въ томъ. до какой степени имъ, для успѣха своего дѣла, нужно заручиться сочувствіемъ офицеровъ. Но теперь всѣ понимаютъ колоссальную важность такого сочувствія. Что же касается до мнѣнія объ офицерахъ, какъ объ опричникахъ, то здѣсь необходимо различать двѣ вещи: во-первыхъ, собственно мнѣніе о томъ, чѣмъ *можетъ быть* офицерство; во-вторыхъ, тѣ *сужденія* о немъ, которыя высказывались и высказываются иногда подъ вліяніемъ всѣмъ извѣстнымъ, печальныхъ, но, къ сожалѣнію, слишкомъ частыхъ событій. Въ нашемъ обществѣ едва ли найдутся люди, серьезно держащіеся того, очевидно несостоятельнаго, мнѣнія, что подъ офицерскимъ мундиромъ не можетъ биться сердце, способное любить свободу. Кто же не помнитъ декабристовъ и кто же не чтитъ ихъ памяти? А вѣдь между ними „штатскіе“ составляли ничтожнѣйшее исключеніе! Но когда улицы нашихъ городовъ орошаются кровью, проливаемой нашими же войскомъ; когда это же „христіюбивое воинство“ до тла раззоряетъ наши села и деревни, подвергая ихъ жителей неслыханнымъ мученіямъ, тогда по адресу офицеровъ раздается много самыхъ горькихъ упрековъ и самыхъ тяжелыхъ обвиненій. И тутъ, подъ впечатлѣніемъ минуты, иногда совсѣмъ забываютъ о томъ, что нельзя считать *всѣхъ* офицеровъ солидарными съ тѣми воинами, которые являются палачами своей родной сграны. Но пусть только авторъ письма вдумается въ положеніе, создаваемое, на примѣръ, „карательными“ экспедиціями военныхъ отрядовъ. Онъ самъ согласится тогда, что вполнѣ понятны и вполнѣ естественны упреки и обвиненія, раздающіеся по поводу такихъ экспедицій. А наши антиеврейскіе погромы, во время которыхъ войска, — *а слѣдовательно, и офицеры*, — играютъ роль „прикрытія“ для озвѣрѣвшихъ, пьяныхъ хулигановъ! Эти погромы подали поводъ ко множеству самыхъ неблагоприятныхъ сужденій о нашемъ офицерствѣ. Но при данномъ положеніи дѣлъ такіа сужденія совершенно неизбѣжны. Ихъ не будетъ только тогда, когда освободительная дѣятельность офицеровъ *гражданъ* заставитъ позабыть о позорныхъ подвигахъ офицеровъ-*преторіанцевъ* и офицеровъ-*хулигановъ*. Но какъ бы тамъ ни было, а неоспоримо то, что ни одинъ разумный человекъ не задастся цѣлью „унижать и озлоблять“ офицеровъ, и что каждый разумный человекъ сдѣлаетъ все отъ него зависящее для того, чтобы „дать возможность и клейменнымъ офицерамъ принять активное участіе въ борьбѣ за благо.“ Я готовъ согласиться съ тѣмъ, что, — по причинамъ, рассмотрѣніе которыхъ завело бы насъ слишкомъ далеко, — до сихъ поръ мы рабо-

тали больше въ средѣ солдатъ, чѣмъ въ средѣ офицеровъ.*) Согласенъ я и съ тѣмъ, что привлеченіе офицеровъ безусловно необходимо въ интересахъ правильной дѣятельности нашихъ военныхъ организацій. Если, — какъ замѣтило недавно „Новое Время“ — наши военные бунты подавляются съ *театральной легкостью*, то это обстоятельство въ значительной степени объясняется тѣмъ, что возстающіе солдаты не встречаютъ надлежащей поддержки со стороны офицеровъ. Я думаю даже, что только участіе офицеровъ въ военныхъ организаціяхъ положитъ конецъ этимъ *бунтамъ*, представляющимъ собою непланомѣрную и непродуманную затрату силъ, нужныхъ для революціи**) И я обращаю вниманіе нашего Ц. К. на большую ошибку, отмѣчаемую авторомъ письма. Но при всемъ томъ я долженъ сдѣлать очень существенную оговорку. Авторъ письма высказываетъ, по моему, слишкомъ мрачный взглядъ на „толпу“.

Онъ говоритъ: „безъ предводителей эта вооруженная масса, движимая самыми низменными чувствами, которыя обыкновенно охватываютъ взволнованныхъ людей, какъ-то незамѣтно можетъ обратиться въ озвѣрѣлую банду, которая смететъ на своемъ пути все, не разбирая праваго и виноватаго!“

Спора нѣтъ, и предводители нужны. Но взволнованныхъ людей далеко не всегда охватываютъ *низменные чувства*. Я думаю, что чувства, которыя наполняли сердца, на примѣръ, возставшихъ матросовъ „*Потемкина*“, были достойны всякаго одобренія. Эти матросы искренне сочувствовали свободѣ и не только не предавались никакимъ злѣмствамъ надъ „вольными“ людьми, но чрезвычайно старательно, — *какъ нельзя больше старательно*, — избѣгали всего того, что могло бы такъ или иначе повредить интересамъ населенія. Правда, тѣ же потемкинцы перебили нѣкоторыхъ своихъ офицеровъ. Но кто *выкинулъ* ихъ сдѣлать это? *Одинъ изъ офицеровъ!* Правда и то, что поступки нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ изъ числа „взбунтовавшихся“ нижнихъ чиновъ бывали иногда очень

*) Но и въ солдатской средѣ наша работа была до сихъ поръ не планомѣрна. У насъ обращали преимущественное вниманіе на солдатъ специальныхъ родовъ оружія: артиллеристовъ, саперовъ и т. д., а пѣхотой занимались мало. Но пока пѣхота будетъ противъ насъ, до тѣхъ поръ наши расчеты на побѣду останутся лишними и всякаго основанія. Тутъ мы тоже дѣлаемъ ошибку, на которую нѣсколько мѣсяцевъ назадъ обратилъ мое вниманіе одинъ товарищъ изъ числа бывшихъ пѣхотянцевъ. Роль сыгранная енисейцами въ Кронштадтѣ, лишній разъ показала мнѣ, какъ правъ былъ этотъ товарищъ.

**) Революція нашего послѣдняго съѣзда обращаетъ вниманіе на необходимость согласованія дѣятельности военныхъ организацій съ общимъ ходомъ и задачами революціоннаго движенія.

жестоки. Еще недавно „Новое Время“ гремѣло противъ убійцъ старухи-матери офицера Врочинскаго (въ Кронштадтѣ). Рептильный органъ изображалъ убійцъ чуть не людоедами, и онъ былъ какъ будто правъ. Но онъ забылъ освѣдомиться, не было ли у нижнихъ чиновъ, поднявшихъ руку на престарѣлую Врочинскую, какихъ нибудь особенныхъ счетовъ съ нею. Нижнему чину сплошь и рядомъ приходится больше терпѣть отъ жены или матери начальника, чѣмъ отъ самого начальника. Авторъ письма, конечно, знаетъ это не хуже меня. Я понимаю, что жестокость все таки остается жестокостью. Но въ томъ то и бѣда,—большая, очень большая бѣда!—что при *нынешнихъ* обстоятельствахъ такая жестокость иногда неизбежна, и неизбежна *не по вину нижнихъ чиновъ*. На нижняго чина давитъ настоящее крѣпостное право со всеми его ужасами. Его обкрадываютъ, тѣснятъ; его личность жестоко оскорбляютъ на каждомъ шагу. Нижний чинъ терпитъ очень долго; а когда онъ, наконецъ, возстаетъ, то онъ, какъ говорится, себя не помнитъ отъ обиды и гнѣва. Объ этомъ ничего не сказала и не скажетъ намъ „Новое Время“. А это слѣдуетъ помнить, судя о дѣйствіяхъ возстающихъ нижнихъ чиновъ. Слѣдуетъ помнить также и о томъ, что крѣпостное право, держащее русскаго солдата и матроса подъ своимъ желѣзнымъ ярмомъ, теперь даетъ себя больнѣе чувствовать имъ, чѣмъ въ „доброе старое время“. Солдаты и матросы *теперь уже не тѣ, что были прежде*. Въ нихъ уже проснулось сознание своего человѣческаго достоинства. А у кого есть такое сознание, для того прямо невыносимы тѣ униженія, которыя приходится выносить у насъ нижнему чину. Авторъ письма знаетъ, каково живется у насъ солдату. Пусть же онъ вообразитъ, что ему самому пришлось пережить всѣ тѣ оскорбленія, которыя приходится переживать солдатамъ, и пусть онъ скажетъ, положи руку на сердце, увѣренъ ли онъ въ томъ, что, всегда сохранилъ бы самообладаніе и не испыталъ бы приступовъ неудержимаго гнѣва. Дѣйствіе равно противодѣйствию. Крѣпостное право всегда вызывало кровавую месть не въ одной только Россіи.

Д-ръ Покровскій писалъ недавно въ „Военномъ Голосѣ“, что „нервы солдатъ, благодаря всему, распатаны въ высшей степени“. Мнѣ сдается, что нервная распатанность играетъ не послѣднюю роль въ тѣхъ случаяхъ, когда возставшій солдатъ становится жестокимъ. А гдѣ причина его нервной распатанности? Она лежитъ отчасти въ общихъ условіяхъ русской жизни, а отчасти въ томъ до крайности тяжеломъ и унижительномъ положеніи солдата, на которое я указываю, и которое, конечно, объясняется въ послѣднемъ счетѣ тѣми

же общими условіями. Чѣмъ больше чувство человѣческаго достоинства страдаетъ у солдата, благодаря всевозможнымъ притѣсненіямъ со стороны начальства, тѣмъ больше должны распатываться солдатскіе нервы. Но развитіе чувства собственного достоинства въ солдатѣ есть въ то же время лучшая гарантія противъ „низменныхъ чувствъ“.

Я говорю это единственно потому, что я немного опасюсь, не смотритъ ли авторъ письма на нижняго чина такъ, какъ на него уже нельзя смотрѣть теперь, потому что теперь онъ несравненно болѣе развитъ, чѣмъ былъ когда-то. Даже честные и свободо-мыслящіе офицеры, не имѣющіе ни малѣйшаго сходства съ „дантистами“, склонны иногда, по твердо установившейся традиціи, смотрѣть на солдатъ, какъ на совершенно безсознательную массу. Но солдатъ — сынъ народа. Проникнувъ въ народъ, сознание проникаетъ и въ солдатскіе ряды. Излишне прибавлять, что этимъ сильно облегчается также воздѣйствіе на солдатъ со стороны офицеровъ-гражданъ.

Можетъ быть, впрочемъ, я плохо понялъ автора письма. Тогда — тѣмъ лучше; тогда намъ тѣмъ легче столкнуться. А что столкнуться полезно, что столкнуться необходимо, это ясно само собою: слишкомъ уже долго тянется преступная война бюрократіи съ нашимъ отечествомъ, и слишкомъ уже дорого обходится ему эта преступная война!

Если уважаемый авторъ письма захочетъ сдѣлать мнѣ какія либо замѣчанія или возраженія, то онъ можетъ быть увѣренъ, что я съ величайшимъ удовольствіемъ напечатаю ихъ въ своемъ „Дневникѣ“. Мнѣ было бы очень пріятно вступить въ непосредственный обмѣнъ мыслями съ офицерами-гражданами. Кромѣ того я думаю, что такимъ офицерамъ давно уже пора возвысить свой голосъ и принять дѣятельное участіе въ обсужденіи всѣхъ вопросовъ, касающихся пропаганды въ войскѣ. Тутъ имъ и книги въ руки.

Надо ли отказываться?

Какъ видно, выборгское воззваніе распространяется по всей Россіи огромными массами. Не далѣе, какъ въ № 133 „Рѣчи“ я прочелъ, въ корреспонденціи изъ Н. Новгорода, что оно отпечатано тамъ „соціалдемократами въ количествѣ 15 тысячъ и разослано по деревнямъ окружной организаціи“. И это, разумѣется, очень хорошо. Было бы слишкомъ печально, если бы вышло иначе, т. е. если бы дѣятельные противники нашего стараго порядка не сумѣли дать широкое распространеніе своему протесту противъ разгона Думы. Я думаю также, что народъ вездѣ читаетъ выборгское воззваніе съ большимъ сочувствіемъ: за это ручается тотъ живой интересъ, съ которымъ онъ относился къ Думѣ. Но у меня невольно возникаетъ вопросъ: *какъ позыляетъ это воззваніе на дальнѣйшій ходъ нашего освободительнаго движенія?* Что подъ его влияніемъ народъ еще лучше пойметъ, гдѣ его врагъ, и еще больше возненавидитъ и безъ того уже ненавистную ему бюрократію, это не подлежить ни малѣйшему сомнѣнію. Но что будетъ дальше?

Положимъ, что значительная часть, — скажемъ, половина, — населенія послѣдуетъ тому совѣту, который даютъ ему подписавшіе воззваніе бывшіе члены Думы, и откажется отъ исполненія воинской повинности. Въ этомъ году призвано будетъ около полумилліона молодыхъ людей. Стало бытъ, согласно нашему предположенію, мы должны принять, что изъ этого числа около 250,000 отвѣтятъ отказомъ на правительственный призывъ. Это, конечно, доставитъ правительству не мало хлопотъ и затрудненій. Но я думаю, что въ послѣднемъ счетѣ *это будетъ выгодно дѣлу реакціи, чѣмъ дѣлу свободы.* И я думаю такъ вотъ почему.

Молодые люди, которые въ видѣ протеста противъ разгона Думы откажутся отбывать воинскую повинность, будутъ, очевидно, съ полнымъ сознаніемъ относиться къ своимъ гражданскимъ обязанностямъ. Если бы эти сознательные молодые люди стали подъ знамена, то можно было бы съ увѣренностью ожидать, что они при случаѣ отказались бы истреблять тѣхъ, кого правительство называетъ *внутренними врагами.*

Это уже было бы очень хорошо. Однако, мы имѣемъ право пойти дальше и предположить, что эти сознательные молодые люди не только не захотѣли бы проливать кровь своихъ согражданъ, но, — когда это оказалось бы нужнымъ, — выступили бы *противъ угнетателей народа.* А это было бы еще лучше.

Теперь, когда исходъ нашей освободительной борьбы въ такой большой, — *и все болѣе возрастающей,* — степени зависитъ отъ настроенія войска, намъ надо дорожить наличностью въ арміи сознательнаго элемента, а не удалять изъ нея этотъ элементъ. Удаленіе его было бы большою ошибкой.

Это какъ нельзя болѣе ясно. Также ясно и то, что въ нынѣшнемъ году будетъ особенно высокъ процентъ сознательныхъ между молодыми людьми, подлежащими призыву. Событія, пережитыя Россіей въ теченіе послѣднихъ шести мѣсяцевъ, глубоко всколыхнули народное сознаніе. Крестьяне знаютъ, *кто помѣшалъ думѣ заняться вопросомъ о землѣ,* и они сумѣютъ дать надлежащія наставленія своимъ сыновьямъ, призываемымъ на военную службу. Этимъ настроеніемъ умовъ *нужно воспользоваться.*

И имъ *еще можно воспользоваться.* Центральные комитеты тѣхъ нашихъ партій, которыя хотятъ серьезно бороться за свободу, еще имѣютъ время сговориться между собою и объяснить народу въ новомъ воззваніи, что хотя, конечно, служить нынѣшнему правительству значить упрочивать свое собственное рабство, но что отказываясь отъ исполненія воинской повинности все таки нѣтъ надобности, такъ какъ сознательный солдатъ можетъ сослужить большую службу народному дѣлу и долженъ сослужить ее. Воззваніе, написанное въ такомъ духѣ, совсѣмъ лишено будетъ характера *законности;* но оно укажетъ болѣе короткій путь народному освобожденію. А этого совершенно достаточно.

Я предлагаю Ц. К. нашей партіи начать въ этомъ смыслѣ переговоры съ центральными комитетами другихъ партій. Онъ обязанъ сдѣлать все отъ него зависящее для того, чтобы была исправлена тактическая ошибка, сдѣланная лицами, подписавшими выборгскій манифестъ.

Мнѣ представляется, что если бы нашъ Ц. К. взялъ на себя начинъ такихъ переговоровъ, то по существу дѣла онъ могъ бы встрѣтить оппозицію развѣ лишь со стороны тѣхъ недослѣдовательныхъ людей, которые, — подобно Г. В. Кузьмину-Караваеву, — съ одной стороны хотятъ *политической свободы,* а съ другой — боятся, что народъ ее *„самъ возьметъ“*....

Краткіе отвѣты.

Е. В. Акичкову. Ваше интересное „открытое письмо“ не напечатано до сихъ поръ единственно потому, что, за недостаткомъ времени, я, къ сожалѣнію, не могъ отвѣтить на задаваемые мнѣ въ немъ вопросы. Въ слѣдующемъ № „Дневника“, — который скоро выйдетъ, — я съ величайшимъ удовольствіемъ напечатая и тамъ же на него отвѣчу.

Товарищамъ, доставившимъ мнѣ Ленинскій „Докладъ“ о нашемъ съѣздѣ. Я дѣйствительно не имѣлъ этого „Доклада“. Благодарю. Вы, разумѣется, правы, предполагая, что Ленинъ придалъ происходившимъ на съѣздѣ преніямъ совершенно ложное освѣщеніе. Въ слѣдующемъ № „Дневника“ я покажу это съ помощью нѣсколькихъ яркихъ примѣровъ. Сдѣлать это сейчасъ не могу по недостатку времени и мѣста. Но неужели есть читатели, на которыхъ можетъ подѣйствовать этотъ изумительный докладъ?

Мое мнѣніе объ умѣстности новаго съѣзда скажу въ двухъ словахъ. Созывать новый съѣздъ *теперь* значило бы тратить средства партіи и ея время самымъ непроизводительнымъ, — больше того: самымъ преступнымъ образомъ. Но Ленинъ разсуждаетъ не такъ. Онъ думаетъ: почему не созвать новый съѣздъ? Я ничего не потеряю, если опять останусь въ *меньшинствѣ*, и много выиграю, — получу, наконецъ, столь желанную дирижерскую палочку, — если *большинство* окажется на моей сторонѣ. Вотъ онъ и старается. Интересы пролетаріата тутъ совершенно не при чемъ, и рабочіе должны съ негодованіемъ отклонять всякія попытки преждевременнаго съѣзда: это шалости интеллигенціи.

0510
A. 1750
169210

